

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЗАРУБЕЖНУЮ КЛАССИКУ

УДК 821.111-6(Бронте Ш.)
ББК Ш33(4Вел)5-8,449

ГСНТИ 17.01.09

Код ВАК 10.01.08

О. Н. Турышева
К. В. Попова
Екатеринбург, Россия

ЛЮБОВЬ К УЧИТЕЛЮ: ШАРЛОТТА БРОНТЕ В ПИСЬМАХ К КОНСТАНТИНУ ЭЖЕ

Аннотация. Публикация писем Шарлотты Бронте к Константину Эже, ученицей которого она была в период обучения в Брюсселе с 1842 по 1844 гг. в женском пансионе госпожи Клер-Зоэ Эже, содержит первый комментированный перевод на русский язык четырех сохранившихся писем, сопровождаемый предисловием. В предисловии представлен биографический контекст переписки, раскрываются обстоятельства, обеспечившие сохранность отдельных писем Шарлотты Бронте. Помимо биографического материала предисловие касается проблемы отсутствия рассказа о брюссельской любви Шарлотты Бронте в ее первой биографии, принадлежащей перу Э. Гаскелл. Решение проблемы связывается с тем, что в описании жизни и характера Ш. Бронте Э. Гаскелл следовала требованиям викторианской культуры. С ее точки зрения, изъятие любовного эпизода из биографии знаменитой романистки должно было поддержать замысел ее идеализированного изображения. Письма Ш. Бронте, наоборот, свидетельствуют о конфликте с представлениями эпохи о положении и правах женщины. Раскрывается герменевтический потенциал включения писем Ш. Бронте к Константину Эже в контекст изучения ее творчества. Эпистолярное наследие писательницы (и в особенности, ее любовные письма) позволяет выделить важнейшую тему ее романов. Это тема взаимоотношений личного представления о женской самореализации и внешнего долга, диктуемого культурой. Прочитанные с этой точки зрения произведения Бронте наполняются новыми смыслами, малозаметными для исследователя вне поддержки со стороны эпистолярия Ш. Бронте.

Ключевые слова: письма; эпистолярный жанр; викторианская культура; английская литература; английские писательницы.

O. N. Turysheva
K. V. Popova
Yekaterinburg, Russia

LOVE TO THE TEACHER: CHARLOTTE BRONTË IN LETTERS TO CONSTANTINE HEGER

Abstract. The publication of letters of Charlotte Brontë to Constantine Heger whose schoolgirl she was during training in Brussels from 1842 to 1844. Contains the first translation into Russian of four remained letters accompanied with the preface and comments. The biographic context of correspondence is presented in the preface, the circumstances which have ensured safety of separate letters of Charlotte Bronte reveal. The preface besides biographic material concerns a problem of lack of the story about the Bruxelles love of Charlotte Bronte in her first biography belonging to a feather E. Gaskell. The solution to problem that in the description of life and character Sh. Bronte E. Gaskell followed requirements of the Victorian culture. From her point of view, withdrawal of a love episode from the biography of the famous novelist had to support a plan of her idealized image. Bronte's letters, on the contrary, confirm the conflict with ideas of an era about situation and the rights of the woman. Hermeneutical potential of inclusion of letters of Sh. Bronte to Constantine Heger in a context of studying of her creativity is realized. The epistolary heritage of the writer (and in particular, her love letters) allows to allocate the most important subject of her novels. It is a subject of relationship of personal idea of women's self-realization and the external debt dictated by culture. Bronte's works read from this point of view are filled with new meanings, hardly noticeable for the researcher outside support Sh. Bronte's epistolary.

Keywords: letters; epistolary genre; Victorian culture; English literature; British women writers.

Празднуемое в уходящем году 200-летие со дня рождения Шарлотты Бронте (Charlotte Brontë, 21 апреля 1816 — 31 марта 1855) было отмечено появлением двух русских переводов биографии британской писательницы, принадлежащей перу Элизабет Гаскелл (Elizabeth Gaskell, 1810 — 1865) — ближайшей подруги знаменитой романистки, состоявшей на протяжении нескольких лет в постоянной переписке с ней. В 2015 году издательской группой «Азбука-Аттикус» был опубликован перевод, выполненный А. Степановым [Гаскелл 2015], а в 2016 в издательстве «Эксмо» выходит в свет «Жизнь Шарлотты Бронте» в переводе М. О. Рубинс [Гаскелл 2016].

Сама Гаскелл издала свой труд в 1857 году — спустя два года после смерти Шарлотты Бронте, отозвавшись на просьбу ее отца, оскорбленного тем,

как образ дочери был представлен в первой посмертной статье о ее творчестве. Однако и биографическая версия Гаскелл вызвала неудовольствие — и не только у ее семьи (Патрика Бронте, отца Шарлотты, и Артура Николлса, ее мужа), но и у ряда других персонажей ее истории. В ответах на обвинения в клевете и отступлении от принципов правдивого изображения Элизабет Гаскелл всегда настаивала на документализме своей книги. Правда, в последующих изданиях ей пришлось изменить трактовку некоторых эпизодов из жизни Шарлотты Бронте — чтобы избежать судебных преследований со стороны тех, кто заявил о том, что оскорблен характером подачи материала. Это были родственники попечителя женского пансиона в Кован-Бридж (Cowan Bridge), которого Гаскелл отождествила с

мистером Брокльхерстом, директором ловудской школы из романа Бронте «Джейн Эйр» («Jane Eyre», 1847), а также Лидия Скотт, замужняя возлюбленная Бренуэлла, брата Шарлотты, на причастности которой к его трагическому финалу настаивала Гаскелл [Рубинс 2015: 9].

В то же время основа гаскелловского жизнеописания Шарлотты Бронте действительно документальна. Ее составили собственные письма писательницы, адресованные нескольким ее постоянным собеседникам, в том числе и будущему ее биографу. Однако Гаскелл тщательно отбирала эпистолярный материал, на который ориентировалась в реконструкции жизни и характера своей великой подруги. Об избирательном характере ее биографической манеры свидетельствует, в частности, тот факт, что ей был отвергнут очень важный для понимания личности и творчества Бронте источник — ее письма к Константину Эже. О них и пойдет речь.

Константин Эже (фр. Constantin Heger, 1809 — 1896) — преподаватель женского пансиона в Брюсселе, куда в 1842 году поступили Шарлотта и Эмили Бронте, намереваясь серьезно изучать французский язык. Обучение было прервано трагическим событием — сестры вынуждены были вернуться в Англию в связи со смертью своей тети, мисс Элизабет Бренуэлл, которая на протяжении многих лет сердечно заботилась о детях Патрика Бронте после смерти их матери. В Брюссель вернулась только Шарлотта: с января по декабрь 1843 года она служит в пансионе преподавательницей английского языка. Очевидно, на это время и приходится влюбленность Шарлотты в своего наставника. Во всяком случае, письма, которые она пишет ему по возвращении на родину, не позволяют сомневаться в характере ее чувства.

Сохранившиеся письма Бронте (а их всего четыре) также свидетельствуют о том, что чувство ее было безответным — Константин Эже был мужем и отцом детей директора пансиона Клэр-Зоэ Эже (фр. Claire Zoë Heger, 1814 — 1891). Собственно, именно ей мы обязаны тем, что имеем возможность познакомиться с любовными переживаниями викторианской романистки: госпожа Эже и обеспечила сохранность ее письмам. Сам Константин Эже в приступе раздражения и досады разрывал послания своей настойчивой ученицы. Такая участь постигла три из четырех сохранившихся писем. Однако госпожа Эже предприняла реставрацию разорванных писем, соединив их фрагменты воедино, проклеив их бумажными полосками и дополнительно укрепив свою работу стежками (рис. 1). После этого письма Бронте были захоронены их спасительницей на дне шкапки с драгоценностями на долгие годы.

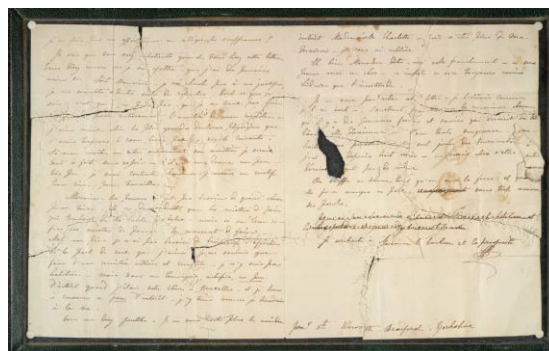

Рис. 1. Письмо Ш. Бронте после реставрации госпожи Эже

На первый взгляд, сохранение писем соперницы кажется странным. Мотивом госпожи Эже никак не могло быть уважение к таланту корреспондентки ее мужа. Она не могла и предполагать, что спасает документы огромной культурной значимости: Шарлотта Бронте получила признание и известность только спустя три года после того, как покинула ее пансион — после издания романа «Джен Эйр». Загадку ее поступка прояснили ее дети — Поль и Луиза Эже, которые, обнаружив после смерти матери письма Шарлотты Бронте к своему отцу, передали их в Британский музей. По их воспоминаниям, госпожа Эже предпочла хранить письма Шарлотты на тот случай, если влюбленность англичанки в своего учителя станет предметом огласки и ей придется защищать как его репутацию, так и репутацию своего пансиона, которым она руководила совместно с мужем. Для этих целей письма Шарлотты подходили идеально: они не оставляли ни малейших поводов подозревать Константина Эже в ответном чувстве.

Первой сторонней читательницей этих эпистолярных документов и стала Элизабет Гаскелл. Уже спустя несколько месяцев после смерти Шарлотты она посетила брюссельский пансион, собирая материал для своего биографического исследования. Однако изданная в 1857 году «Жизнь Шарлотты Бронте» [Gaskell 2002] лишена и малейших намеков на влюбленность Шарлотты в своего учителя. Их взаимоотношения Гаскелл описывает как общение, выстроенное на взаимном уважении и профессиональных интересах, предметом которых были литература и преподавание языков.

Причины, по которым Гаскелл умалчивает о чувстве своей подруги, более чем понятны: она опасалась, что любовное поведение Шарлотты Бронте, недопустимое в контексте викторианских моральных требований, став предметом всеобщего знания, нанесет непоправимый урон ее репутации, дискредитирует ее образ в глазах викторианского читателя.

Сама Гаскелл, как свидетельствуют ее биографы [Елистратова 1955, Mitchel 1994], неукоснительно следовала идеалу, предписываемому женщине со стороны викторианской культуры. В то же время воплощение этого идеала, связываемого эпохой с предьявляемым женщине требованием быть ангелом дома и семьи, в случае Элизабет Гаскелл обернулось драматическим переживанием серьезного внутреннего конфликта. Его содержание она сама сформулировала как невозможность совместить три

разные ипостаси своей личности: «Одно из моих «я», как мне кажется, настоящая христианка (только люди называют ее социалисткой и коммунисткой), другое из моих «я» — жена и мать... А потом у меня есть еще одно «я», с развитым вкусом к красоте... Как мне примирить все эти враждующие существа? Я стараюсь заглушить самое себя (мое первое «я»), говоря себе, что все должен решать Уильям¹ и что его чувство справедливости должно быть для меня законом. И так оно и есть, — да только не совсем так...» [Цит. По: Елистратова 1963: 5].

Подобный конфликт писательница присваивает и некоторым своим героиням. Впрочем, представляется очевидным, что в своем творчестве она искала компромиссный путь, который мог бы примирить викторианскую женщину с предназначенным ей культурным образом — чтобы ей не приходилось «душить самое себя» в угоду моральным требованиям. Такую интенцию, очевидно, содержит незаконченный по причине смерти Гаскелл роман «Жены и дочери» («Wives and Daughters», 1865). Кстати, само его название предположительно вызвано словами Артура Николлса, заявившего Гаскелл в ответ на ее просьбу об исследовании архива Шарлотты Бронте, что та была прежде всего не литературной знаменитостью, а дочерью пастора и женой пастора. Возможно, что уязвление этими словами и нашло свое выражение в названии последнего романа, посвященного проблеме гармонизации тех требований, которые викторианская культура предъявляет к женщине, и ее собственных желаний.

Однако самой Бронте Элизабет Гаскелл присваивает удивительную цельность характера, почти исключительно сосредоточенного на служении своей семье — и в полном забвении своих собственных потребностей, отчасти даже тех, которые связаны с ее писательской самореализацией. Те переживания, которые демонстрируют любовные письма Шарлотты, будь они представлены публике, конечно, вступили бы в противоречие с предпринятой в книге Гаскелл ангажацией ее образа. Письма Шарлотты Бронте к Константину Эже выдают в их авторе живую, тоскующую и страстную натуру, способную бросить вызов предписанному идеалу смирения и покорности — в случае, если он противоречит чувству, личным представлениям о своих правах и долге и настоятельной потребности следовать этим представлениям.

Совершенно очевидно, что именно эту проблему Шарлотта Бронте решает в своих главных произведениях. Так, в «Джен Эйр» ее героиня, первоначально подчиняется требованиям закона и потому покидает своего возлюбленного — после того, как узнает, что он женат. Однако позднее, поняв, что помимо долга перед законом существует долг и перед своим собственным сердцем, и перед тем, кому это сердце отдано, она возвращается к Рочестеру (хотя и не подозревает о том, что он овдовел и свободен для нового брака).

Впрочем, брюссельская любовь писательницы нашла свое воплощение в ее творчестве не только на

уровне постановки важнейших проблем, связанных с положением женщины в викторианской культуре, но и в самих образах ее романов. Так, прозрачную автобиографическую основу имеет последний роман Шарлотты Бронте «Городок» («Villette», 1853), в образе главного героя которого со всей очевидностью подразумевается Константин Эже [Васильева 2016, Ивашева 1974, Тугушева 1982, Gégin 1987]. В пространстве этого романа писательница осуществила свою мечту о взаимности своей любви к учителю, в то же время оплакав свои иллюзии и надежды: роман заканчивается скорбной нотой — сообщением о гибели возлюбленного.

Впервые публикация писем к Константину была предпринята в 1913 году газетой «The Times» в номере от 29 июля (в переводе с французского) — с разрешения Британского музея, в который они были переданы детьми Эже. Академическое издание этих документов на английском языке впервые было осуществлено только в конце XX века — в первом томе трехтомного оксфордского издания писем Шарлотты Бронте [The Letters of Charlotte Bronte 1995, 2000, 2004]. В 2007 году эта публикация была повторена в издании избранных писем Шарлотты Бронте [Selected Letters of Charlotte Bronte 2007]. Несколько позднее одно из писем Бронте к Эже было опубликовано в издании «Love Letters: 2000 Years of Romance» [Love Letters: 2000 Years of Romance 2011] — в контексте с двадцатью четырьмя любовными посланиями других знаменитых персон английской истории и литературы, среди которых Генрих VIII, Яков I, Горацио Нельсон, Чарльз Диккенс, Оскар Уайлд, Мервин Пик, Тэд Хьюз и другие.

В комментированном варианте на русском языке письма Шарлотты Бронте к Константину Эже публикуются впервые² — в переводе с английского издания 1995 года. Авторы выражают сердечную благодарность Маргарите Иосифовне Михайловой, старшему преподавателю кафедры германской филологии Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина за самое благоприятное консультирование при подготовке данной публикации. Пунктуация в переводе писем Ш. Бронте приближена к современным нормам.

² Наш перевод предвосхищает только интернет-публикация 2012 года, предпринятая в блоге белорусской писательницы Ирины Сергеевны Бусенок (р. 1977), которая предложила свои переводы писем Ш. Бронте, адресованных подруге Элен Насси и К. Эже. Однако данная публикация не имеет академического характера, она не сопровождается развернутым справочным аппаратом, хотя и содержит интересные наблюдения относительно совпадений отдельных мотивов из писем Ш. Бронте к К. Эже с мотивами ее романа «Городок». (Бусенок И. С. Путешествие в Брюссель. Перевод избранных писем Шарлотты Бронте. URL: <http://www.carmin.us/letters/bronte/brussels>). Кроме того, на русском языке опубликован отрывок из письма к К. Эже от 18 ноября 1845 года в переводе Александры Сергеевны Кирановой (р. 1982), представленный в издании: Сири Дж. Тайные дневники Шарлотты Бронте: роман. Пер. с англ. А. Кирановой и др. М.: Эксмо, СПб.: Домино, 2011. 575 с.

¹ Уильям Гаскелл — священник, муж Элизабет, в браке с которым она родила пятерых детей.

Константину Эже. 24 июля 1844 г.

Месье, я понимаю, что сейчас не моя очередь писать, но так как миссис Уилрайт собралась в Брюссель и согласилась доставить письмо — мне кажется, что я не должна упускать такую подходящую возможность написать Вам несколько слов.

Я очень довольна, что школьный год почти закончен и период каникул приближается — я рада за Вас, месье, ибо мне сообщили о том, что Вы работаете слишком много и Ваше здоровье несколько ухудшилось. Поэтому я воздержусь от каких-либо жалоб по поводу Вашего долгого молчания — уж лучше полгода пережить без вестей от Вас, чем добавить хотя бы атом к Вашей и так слишком тяжелой ноше, лежащей на Ваших плечах.

Я хорошо помню, что сейчас пора сочинений, что скоро наступит черед экзаменов и награждений — и что все это время Вы будете обречены дышать сухим воздухом классов, истощать себя — объяснениями, вопросами, говоря целыми днями, а вечерами читая эти ужасные сочинения, которые вам приходится исправлять, почти переписывая заново. Ах, месье! Однажды я написала Вам письмо, которое едва ли можно назвать разумным, потому что печаль терзала мое сердце, но я больше так не сделаю. Я постараюсь не быть эгоистичной, хотя я и смотрю на Ваши письма как на манну небесную, но я должна терпеливо ждать их прибытия, пока Вы сами захотите отправить их.

Но все-таки я могу писать Вам небольшие письма время от времени — Вы дали мне на это свое согласие. Я очень боюсь позабыть французский, ведь я совершенно уверена в том, что когда-нибудь я снова Вас увижу. Я не знаю, как и когда, но это должно произойти, ведь я так надеюсь на это. И когда это произойдет — я вряд ли захочу молчать в Вашем присутствии. Было бы слишком грустно видеть Вас и не иметь возможности говорить с Вами. Чтобы предотвратить эту неудачу, я каждый день учу по полстраницы французского текста из книги в разговорном стиле. И мне нравится учить французский, месье. Когда я произношу слова — я представляю себе, как будто разговариваю с Вами.

Мне только что предложили место главного учителя в большой школе-пансионе в Манчестере с зарплатой в 100 фунтов, это 2500 франков в год. Я не могу принять это предложение, ведь тогда мне придется покинуть отца, а это невозможно. Тем не менее, у меня есть план. Когда человек живет в одиночестве, его мозг всегда активен. Кто-то стремится занять себя делами, кто-то жаждет строить карьеру. Наш пасторат — довольно большой дом. Если его немного перестроить, то у нас будет место для пяти или шести учениц. Если бы я могла найти такое количество детей из приличных семей, я бы посвятила себя их обучению. Эмили не очень нравится преподавать, но она может позаботиться о домашнем хозяйстве. И хотя она не очень общительная, она очень добра сердцем, чтобы делать все возможное для благополучия детей. Она очень великодушна. А что касается порядка, экономии и строгости — той сложной работы, которая так необходима для организации школы — я охотно возьмусь за это сама.

Вот мой план, месье. Я уже рассказала о нем отцу, ему показалось, что план хорош. Что ж, осталось лишь найти учеников, что довольно сложная задача, ведь мы живем далеко от города, и люди едва ли захотят добираться до нас через горы, которыми мы окружены. Но задача без трудностей — почти недостойная задача. Очень полезно преодолевать препятствия. Я не говорю, что у меня все получится, но я должна сделать так, чтобы получилось. Эти усилия сделают меня сильнее. Я ничего не боюсь больше, чем безделья, из-за недостатка работы наступает вялость, оцепенение способностей. Когда тело бездействует, наша душа страдает невыносимо. Мне бы не пришлось испытывать это чувство, если бы я могла бы писать — было время, когда я целыми днями, неделями и месяцами писала — и не совсем зря, ведь Саути и Кольридж — два наших величайших писателя, кому я отправила несколько рукописей, были рады выразить свое одобрение.

Но сейчас мое зрение слишком слабое для писательства — если буду много писать — ослепну. Эта слабость зрения — ужасное наказание для меня. Вы знаете, что бы я сделала, не будь этого недостатка, месье? Я написала бы книгу и посвятила бы ее моему учителю литературы — единственному учителю, который когда-либо был у меня — Вам. Я часто по-французски говорила Вам о том, насколько сильно я Вас уважаю, насколько я признательна Вам за Вашу доброту и советы. Мне бы хотелось сказать Вам это хоть раз на английском, но об этом не может быть и речи. Литературное поприще для меня закрыто, открытой остается только карьера учителя, однако она не так привлекательна, но неважно, я должна стать учителем, и если у меня ничего не получится, причиной будет вовсе не отсутствие моего старания. Вы же тоже, месье, хотели стать адвокатом — судьба сделала Вас учителем, и Вы счастливы, несмотря на это.

Пожалуйста, передайте Мадам мое почтение. Я боюсь, что Мария, Луиза и Клэр уже забыли меня. Проспер и Викторина никогда хорошо меня не знали, я сама отчетливо помню всех — особенно Луизу — в ней столько характера, столько наивности, столько искренности отражается в ее маленьком лице.

До свидания, месье.

Ваша благодарная ученица

Шарлотта Бронте.

Я не прошу писать мне скорее, потому что не хочу показаться назойливой — но Вы слишком добры для того, чтобы забыть о том, что я все равно этого хочу, очень хочу — этого достаточно, но в конце концов, поступайте так, как хотите, месье. Ведь если бы я действительно получила письмо и подумала бы, что оно написано из жалости ко мне — это бы очень больно ранило меня.

Мне кажется, что миссис Уилрайт поедет сначала в Париж, а потом в Брюссель — но она отправит мое письмо в Булони. Еще раз, до свидания, месье, — больно прощаться с Вами, даже в письме. Конечно же, я должна снова увидеть Вас однажды, это должно произойти, поскольку как только я накоплю достаточно денег для того, чтобы поехать в

Брюссель — я приеду. И я увижу Вас снова, пусть лишь на мгновение.

Комментарии

Первое из четырех сохранившихся писем. Написано спустя более полугода после возвращения Шарлотты Бронте из Брюсселя. Письмо свидетельствует о том, что Эже отвечал на послания своей ученицы, хотя и с большими задержками и, вероятно, неохотно. На это указывают жалобы Шарлотты на длительное ожидание писем, которые она, впрочем, пытается скрыть, опасаясь, что ее искренняя заинтересованность в общении раздражит адресата и будет расценена как проявление эгоизма.

... у меня есть план... — Ш. Бронте описывает проект создания собственной школы. Впервые этот замысел возник в 1841 году — после неудачного опыта работы гувернанткой. Воплощение плана было прервано поездкой в Брюссель. По возвращении Шарлотта Бронте вновь задумывается о школьном проекте. Однако он так и не был осуществлен по целому ряду причин (смерть тети Элизабет Бренуэлл, на денежную поддержку которой рассчитывали сестры Бронте; невыгодное местоположение пасторского дома в Хаурте — рядом с кладбищем и болотами; болезнь отца, требовавшего постоянного ухода, что не позволило арендовать здание для школы в другом, более привлекательном для потенциальных учениц месте). Замысел создания собственной школы Шарлотта Бронте осуществила только в сфере художественного вымысла — в романе «Городок», написанном на основе ее брюссельского опыта.

... Саути ... — В 1836 году Шарлотта Бронте отправила подборку своих стихотворений поэту-лауреату Роберту Саути (Robert Southey, 1774 — 1843) — в надежде на профессиональный отклик. Отрывок из ответа Саути приводится ниже в переводе А. Кирановой: «Вы несомненно обладаете, и в весьма превосходной степени, тем, что Вордсворт называет «даром стихосложения». Я не преумалю этот дар, утверждая, что в наши дни он нередок... Любой... честолюбиво мечтающий об известности в поэзии должен быть готов к разочарованию. Но Вам, если Вы заботитесь о собственном счастье, следует развивать свой талант без мысли об известности... Грезы, которым Вы привычно предаетесь, могут привести к душевному расстройству; по сравнению с грезами все обычные мирские занятия покажутся Вам скучными и невыгодными, и Вы станете к ним непригодны, не став пригодной к чему-то другому. Женщина не может зарабатывать на жизнь литературой, и это справедливо. Чем больше она занята своими священными обязанностями, тем меньше времени у нее остается на творчество, пусть даже в качестве награды и отдыха» [Избранная переписка Ш. Бронте 2011, 552].

Из ответа Ш. Бронте (письмо от 16 марта 1837 года): «Сэр... при первом прочтении Вашего письма я испытала только стыд и сожаление о том, что осмелилась побеспокоить Вас своим незрелым пустозвонством; болезненный жар прилил к моим щекам, когда я вспомнила о кипах бумаги, исписанной тем, что некогда приносило мне столько радости, но

теперь стало лишь источником смущения; и все же когда я немного поразмыслила и перечла письмо вновь и вновь, передо мной забрезжила надежда. Вы не запрещаете мне писать. Вы только предостерегаете меня от недалековидного забвения своего истинного долга ради воображаемых удовольствий, от сочинительства из стремления к славе... Вы любезно предлагаете мне писать стихи ради них самих, при условии, что я не оставлю в небрежении ни одной из своих обязанностей... Это не всегда просто, поскольку порой я предпочла бы не учить или шить, а читать или писать; но я стараюсь обуздать себя, и отцовская похвала — щедрая награда за подобные лишения. Позвольте еще раз поблагодарить Вас с искренним чувством. Уверена, что больше никогда не захочу увидеть свое имя в печати, а если подобное честолюбивое желание и возникнет, я подавлю его, перечитав письмо Саути» (пер. А. Кирановой) [Избранная переписка Ш. Бронте 2011: 553].

... и Кольридж ... были рады выразить свое одобрение. — Шарлотта имеет в виду свою переписку с литератором Хартли Кольриджем (Hartley Coleridge, 1796 — 1849), сыном Сэмюэла Кольриджа, знаменитого поэта «Озерной школы». В 1840 г. Бронте отправила ему четыре главы задуманного романа «Эшворд». Его отклик не сохранился, но по ответному письму Бронте очевидно, что он не рекомендовал ей предлагать роман издателям.

... Вы же тоже, месье, хотели стать адвокатом... — в юности в течение нескольких лет Эже служил помощником адвоката в Париже. Недостаток денежных средств не позволил ему открыть собственную практику, в результате чего он вернулся в Брюссель и занялся преподаванием.

... передайте Мадам мое почтение. — Клэр-Зоэ Эже (фр. Claire Zoë Heger, 1814 — 1891), директор женской школы, в которой Шарлотта Бронте обучалась в период с 1842 по 1843 гг., вторая жена К. Эже с 1836 года (его первая жена вместе с его первым ребенком скончались во время эпидемии холеры в 1833 году). В браке с ней у К. Эже родилось шестеро детей. Стала прототипом хозяйки женского пансиона мадам Бек — очень нелюбимого персонажа романа «Городок». В этом романе представлена соперницей и гонительницей главной героини.

... накоплю достаточно денег... я приеду — Этим надеждам не суждено было сбыться: Шарлотта Бронте больше не встречалась с господином Эже.

... Мария, Луиза и Клэр ... Проспер и Викторина ... — Дети Константина Эже.

Я написала бы книгу и посвятила бы ее моему учителю литературы... — Такую книгу — роман «Учитель» («The Professor») — Шарлотта Бронте написала в ближайшее время, очевидно, закончив ее к 1846 году. Роман не был принят ни одним издательством. Опубликован только после смерти автора — в 1857 году. Роман написан от лица молодого англичанина, приехавшего в Брюссель в надежде на то, что преподавание английского языка обеспечит ему достойный заработок. Преодолевая бедность и козни своей работодательницы, хозяйки женского пансиона, герой обретает счастье в любви к своей ученице, женившись на которой он возвращается в

Англию. Очевидно, что в образе героя — Уильяма Кримсворта — Шарлотта Бронте соединила свои собственные черты и черты Константина Эже.

Константину Эже. 24 октября 1844 г.

Месье, этим утром я наполнена радостью, что в последние два года случалось со мной редко. Все дело в том, что знакомый джентльмен, который будет проездом в Брюсселе, согласился передать Вам мое письмо, которое либо он, либо его сестра Вам доставят, чтобы я была уверена в том, что Вы его получили.

Я не буду писать длинное письмо — прежде всего, у меня нет на это времени, ведь нужно отдать письмо прямо сейчас. Кроме того, я боюсь утомить Вас. Мне бы только хотелось спросить Вас, получили ли Вы мое письмо в начале мая, а затем в августе? Я ожидала письма от Вас все эти шесть месяцев. Месье, полгода ожидания — это действительно долгий срок!

Тем не менее, я не жалею, и я буду щедро вознаграждена за свою грусть — если Вы готовы написать письмо сейчас и отдать его этому джентльмену или его сестре — они доставят его мне в целости и сохранности.

Каким бы коротким ни было Ваше письмо, я буду рада, только не забудьте рассказать о том, как Вы, месье, и как Мадам и Ваши дети. Как дела у учителей и учеников?

Мой отец и сестра посылают Вам свой привет — болезнь отца постепенно усиливается. Несмотря на это, он еще не совсем потерял зрение. Мои сестры чувствуют себя хорошо, но мой бедный брат как всегда болен.

До свидания, месье, я надеюсь вскоре получить новости от Вас — эта мысль греет меня, поскольку воспоминания о Вашей доброте навсегда останутся со мной, и пока эта память жива, мое восхищение Вами тоже будет жить.

Ваша самая преданная ученица, Ш. Бронте.

Я только что переплела все книги, которые Вы дали мне, когда я еще была в Брюсселе. Мне приятно смотреть на них, из них получилась маленькая библиотека. Первая книга — это полное собрание сочинений Бернардина де Сен-Пьера, Мысли Паскаля, книга стихов, две книги на немецком языке и то, что стоит всего остального, — две речи профессора Эже, которые он произнес на награждении в атенее.

Комментарии

Письмо от 24 октября 1844 года в отличие от предыдущего письма содержит уже плохо скрываемый упрек Константину Эже — в том, что он обрекает свою корреспондентку на очень длительное ожидание ответа. Причем если в предыдущем письме (а содержание данного послания позволяет считать, что между июльским и октябрьским письмами других эпистолярных попыток связаться с Эже Бронте не предпринимала, покорно уповая на его решение относительно продолжения переписки, право которого она предоставила ему в предыдущем письме) Бронте выражает прямую тревогу из-за того, что может выглядеть назойливой в глазах своего учителя и обременить его ненужными обязатель-

ствами, то в данном письме она робко, но вполне очевидно пытается принудить его к ответу.

... получили ли Вы мое письмо в начале мая, а затем в августе... — Письмо, которое Константин Эже, по предположению Бронте, должен был получить в августе, — это письмо, датированное 24 июля 1844 г. Его перевод приведен выше. Шарлотта не знает, что оно было разорвано адресатом и восстановлено его женой с помощью клея и иголки с ниткой. Сам вопрос свидетельствует о том, что Эже не ответил своей ученице.

Мой отец и сестра посылают Вам свой привет... — Из сестер Шарлотта имеет в виду Эмили, которая в течение одного семестра в 1842 году также обучалась в брюссельском пансионе в классе К. Эже. Однако, покинув его в связи со смертью своей тети, Эмили больше не возвращается в Бельгию, что связывается биографами с особенностями ее характера и обостренной тоской по родине.

... полное собрание сочинений Бернардина де Сен-Пьера... — Жак-Генри Бернардин де Сен-Пьер (Jacques-Henri Bernardin de Saint-Pierre, 1737 — 1814) — французский литератор, член Французской академии. Собрание его сочинений, упомянутое Бронте, было издано в 1818 году. Самое известное произведение — повесть «Поль и Виржини», считающаяся выразительным примером сентиментализма в литературе.

... в атенее... — Среднее учебное заведение в Бельгии с обязательным изучением классических языков. С 1829 года Константин Эже преподавал в нем математику и французский язык, а с 1836 года службу в атенее он стал совмещать с учительской деятельностью в женском пансионе своей будущей жены Клэр-Зоз Паран.

Константину Эже. 8 января 1845 г.

Мистер Тейлор вернулся, я спросила, нет ли для меня письма. «Нет, ничего». «Терпение, — сказала я себе, — скоро придет его сестра». Мисс Тейлор вернулась: «У меня нет ничего для Вас от мистера Эже. Ни письма, ни сообщения».

Когда я в полной мере осознала смысл всех этих слов — я сказала себе то же, что сказала бы любому другому человеку, оказавшемуся в такой же ситуации: «Тебе придется смириться с этим фактом, и прежде всего, не расстраивать себя мыслью о неудаче, которой ты не заслужила». Я сделала все возможное для того, чтобы не плакать и не жаловаться.

Но когда человек не жалуется, когда он хочет держать себя в руках, взяв себя за горло, все его существо восстает — и ему приходится платить за внешнее спокойствие невыносимой внутренней борьбой.

Днем и ночью я не нахожу ни покоя, ни мира. Если я сплю — то вижу мучительные сны, в которых Вы всегда строгий, всегда грозный, всегда сердитесь на меня.

Простите меня, месье, если я когда-нибудь напишу Вам снова, разве я могу жить, даже не попытавшись облегчить свою боль?

Я знаю, что Вы выйдете из себя, когда будете читать это письмо. Вы скажете, что я перевозбуждена, что у меня дурные мысли и так далее. Пусть будет так,

месяе. Я не собираюсь оправдываться, я принимаю все Ваши упреки. Я лишь знаю, что не смогу примириться с тем, что полностью потеряю дружеское расположение своего учителя. Лучше уж перенести сильнейшую физическую боль, чем чувствовать, как сердце бесконечно разрывается от жгучих сожалений. Если мой учитель полностью откажется от дружбы со мной, то я останусь без какой-либо надежды. Если все же он подарит мне хоть немножко дружелюбия — этого будет достаточно для меня, чтобы быть счастливой. У меня будет смысл жить и работать.

Месяе, бедным не нужно многого для жизни — они просят лишь о крошках хлеба, которые падают со столов богачей, но если им отказать в этих крошках, они умрут от голода. И мне так же — не нужно много любви от тех, кого я люблю. Я бы не знала, что делать со всеобъемлющей дружбой — я к этому не привыкла, но Вы проявили ко мне небольшой интерес в те дни, когда я была Вашей ученицей в Брюсселе — и я крепко держусь за этот интерес, чтобы сохранить его — так, словно от этого зависит моя жизнь.

Возможно, Вы скажете мне: «Вы мне больше совсем не интересны, мисс Шарлотта, Вы больше не моя ученица, я Вас забыл».

Тогда, месяе, скажите мне это прямо — пусть это будет потрясением для меня, неважно, но это все таки будет не так ужасно, как неизвестность.

Я не хочу перечитывать это письмо — отправляю его таким, каким написала. Тем не менее, я смутно осознаю, что найдутся беспристрастные и рациональные люди, которые могли бы сказать, читая это письмо, что я в бреде. Моей единственной местью этим людям может быть пожелание, чтобы они хотя бы один день прожили в таких же муках, какие я испытывала в течение восьми месяцев — тогда мы посмотрим, будут ли они бредить, как я.

Человек молчаливо страдает столько времени, сколько он может выдержать. И когда сил больше нет, он начинает говорить, не особо задумываясь о словах.

Я желаю месяе счастья и процветания.

Ш. Б.

Комментарии

В письме от 8 января 1845 года появляется новый мотив, отсутствовавший в предыдущих письмах: жалуясь на свои страдания, связанные с муками ожидания и страхом потери расположения учителя, Шарлотта прямо возлагает на корреспондента ответственность за свое «невыносимое» эмоциональное состояние. При этом она оставляет за собой право на такую дерзость, ведь в логике этого письма это право оплачено любовью, обидой, надеждой и жестокой внутренней борьбой между чувствами и требованиями культуры, настаивающей на их подавлении. Недаром в тексте этого письма появляется ссылка на «рациональных людей», которые, в случае знакомства с ним, непременно осудили бы его содержание как «бредовое», т.е. противоречащее всем правилам, регламентирующим взаимоотношения женщины и мужчины в викторианскую эпоху.

Письмо также было разорвано адресатом и реставрировано госпожой Эже.

В фактографическом комментарии не нуждается.

Константину Эже. 18 ноября 1845 г.

Месяе,

Прошло полгода в молчании. Сегодня 18 ноября, а мое последнее письмо было датировано, насколько я помню, 18 мая. Поэтому я могу снова написать Вам, не нарушая своего обещания.

Мне казалось, что лето и осень длились бесконечно, говоря по правде, мне тяжело было выносить те лишения, на которое я сама себя обрекла. Вы, месяе, Вы не можете почувствовать, каково это. Но представьте на секунду, что Вашего ребенка разлучили с Вами, и теперь Вы на расстоянии 480 миль от него и должны ждать шесть месяцев, чтобы написать ему, не получая новостей от него, не слыша его голоса, не зная, как он — если Вы представите это, то сразу поймете, насколько тяжело придерживаться такого обязательства.

Я скажу Вам честно, что в течение этого ожидания я пыталась забыть Вас. Кто-то считает, что для того, чтобы забыть человека, достаточно больше никогда его не видеть, но память о человеке, которого мы глубоко уважаем, жестко терзает наш ум, и когда мы испытываем это беспокойство в течение года или двух, мы готовы сделать все, чтобы обрести душевное спокойствие. Я сделала для этого все: я очень много работала, я полностью запретила себе удовольствие говорить о Вас — даже с Эмили, но я не смогла преодолеть ни своего сожаления, ни нетерпеливого ожидания. И это очень унижительно — не знать, как властвовать над своими чувствами, быть рабом сожалений и воспоминаний, рабом постоянной навязчивой идеи, которая мучает тебя как тиран. Почему я не могу испытывать такое же дружеское чувство к Вам, что и Вы ко мне — ни больше и ни меньше? Тогда я была бы так спокойна и так свободна — я без труда могла бы хранить молчание хоть десять лет.

Мой отец чувствует себя хорошо, но почти ослеп, он больше не может читать или писать. Однако доктор посоветовал подождать еще несколько месяцев, прежде чем делать операцию. Для отца зима будет ничем иным, как одной длинной ночью — он редко жалуется, и я восторгаюсь его терпением. Если Провидение уготовило мне ту же участь — пусть Оно наградит меня такой же силой, чтобы вынести это! Мне кажется, месяе, что самое горькое в серьезных телесных недугах то, что мы вынуждены сделать всех тех, кто нас окружает, причастными к нашим страданиям. Мы можем скрыть свои душевные переживания, но то, что атакует наше тело и уничтожает физические силы, скрыть невозможно. Мой отец сейчас позволяет читать ему и писать за него, он оказывает мне больше доверия, чем когда-либо раньше, и это огромное утешение.

Месяе, я хочу попросить Вас, когда Вы будете отвечать на это письмо, поговорите со мной немного о себе — не обо мне, потому что я знаю, что если Вы будете говорить обо мне, то будете ругать меня, а сейчас мне хотелось бы увидеть Вашу добрую сторону. Расскажите мне о Ваших детях. Вы никогда не сердились на Луизу, Клэр и Проспера, когда они были рядом с Вами. Расскажите что-нибудь о школе, об учениках и учителях. Мадмуазель Бланш,

Софи и Жюстина все еще в Брюсселе? Расскажите, куда Вы путешествовали на каникулах? Вы были на Рейне? Посетили ли Вы Кельн и Кобленц? Одним словом, расскажите мне то, что Вам хочется рассказать, мой учитель, но расскажите хоть что-нибудь. Писать бывшей помощнице учителя (нет, я не хочу вспоминать свое положение Вашей помощницы, я отказываюсь от этой роли), писать своей бывшей ученице вряд ли доставляет Вам большой интерес — я знаю это. Но для меня это сама жизнь. Ваше последнее письмо придало мне сил и питало меня целых полгода — теперь мне необходимо еще одно письмо, и Вы напишете мне его — не потому, что Вы — мой друг, Вы не можете испытывать глубоких дружеских чувств ко мне, но потому, что у Вас сострадательная душа и потому, что Вы никого не будете обречь на муки лишь для того, чтобы избавить себя от нескольких минут скуки.

Запретить мне писать Вам, отказываться отвечать мне — все равно, что отнять у меня единственную радость, которая у меня есть на земле — лишит меня единственной оставшейся привилегии, от которой я никогда не откажусь добровольно. Поверьте мне, мой учитель, Вы сделаете доброе дело, написав мне. До тех пор, пока мне кажется, что Вы, в общем, мною довольны, до тех пор, пока у меня еще есть надежда получить от Вас письмо, я могу быть спокойна и не слишком переживать, но когда тоскливое и длительное молчание начинает предупреждать меня о том, что мой учитель отдаляется от меня, когда день за днем я жду письма, и день за днем обманутые надежды возвращают меня к нестерпимым страданиям, когда сладостный восторг от созерцания Вашего почерка и чтения Ваших советов ускользает от меня, как пустое видение — тогда меня бросает в жар — я не могу ни есть, ни спать — я чахну.

Могу ли я написать Вам вновь в мае? Я бы хотела подождать целый год — но это невозможно, это слишком долгий срок.

Ш. Бронте.

Я должна сказать Вам кое-что на английском — мне бы хотелось писать Вам больше веселых писем, потому что когда я перечитываю письмо, я понимаю, что оно немного мрачное, но простите меня, мой дорогой учитель, не сердитесь на меня за мою грусть, ведь как говорится в Библии, «от избытка сердца говорят уста». Мне в самом деле трудно быть веселой, когда я думаю о том, что могу никогда Вас больше не увидеть. По ошибкам в этом письме Вы поймете, что я стала забывать французский — а ведь я читаю все французские книги, которые могу найти, и ежедневно учу кусочек текста наизусть. Но с тех пор, как покинула Брюссель, я слышала французскую речь только однажды — и тогда она звучала для меня как музыка. Каждое слово было драгоценно для меня, потому что напоминало мне о Вас. Я люблю французский ради Вас всей своей душой и сердцем.

Прощайте, мой дорогой учитель, — пусть Господь защитит Вас своей заботой и увенчает Вас своим благословением.

Ш. Б.

Комментарии

В последнем из сохранившихся писем Шарлотта Бронте вновь возвращается к жалобам, отчаянно взывая к состраданию со стороны своего адресата. Подчас упрек перетекает в видимое эмоциональное давление: Бронте выстраивает письмо так, чтобы не оставить Константину Эже ни малейшей возможности ускользнуть от ответа. Просительную и обвинительную интонации предыдущих писем она меняет на утвердительную, апеллируя к христианским чувствам своего собеседника: «Мне необходимо еще одно письмо ... и Вы напишете мне его». «Поверьте ... Вы сделаете доброе дело, написав мне» — фраза, не менее выразительно свидетельствующая о новой тактике общения. Эту тактику поддерживает и новое (в контексте первых трех сохранившихся писем) обращение к Константину Эже: Шарлотта Бронте неоднократно называет его «мой учитель» и «мой дорогой учитель», очевидно, так демонстрируя свою готовность отказаться от притязаний на дружбу и любовь с его стороны, если они так неуютны ему. Подчеркивая свой статус ученицы Эже, Шарлотта надеется, что в этом случае переписка не прервется. Очевидно, ту же цель преследует и сравнение их отношений со связью родителя и разлученного с ним ребенка.

При этом фактическое вынуждение к ответу сопровождается искренней просьбой о прощении и трогательно-беззащитным «Я чахну». Ответил ли Константин Эже на это письмо, неизвестно: его письма к Шарлотте Бронте не сохранились.

... мое последнее письмо было датировано ... 18 мая. — Письмо от 18 мая 1845 года не сохранилось.

... не нарушая своего обещания. — Очевидно, Шарлотта обещала К. Эже не писать чаще одного раза в полугодие.

Ваше последнее письмо придало мне сил и питало меня целых полгода. — Очевидно, в мае 1845 года Шарлотта Бронте получала ответное послание от К. Эже.

... от избытка сердца говорят уста... — Мф. 12:34.

ЛИТЕРАТУРА

Бронте Ш. Городок / пер. А. Орел, Е. Суриц. — М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2011. — 448 с.

Васильева Э. В. К вопросу о реализме Ш. Бронте («Городок» и мономиф) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2016. — № 1-33. — С. 93–99.

Гаскелл Э. Жизнь Шарлотты Бронте / пер. А. Степанова. — М.: ИГ Азбука-Аттикус, 2015. — 544 с.

Гаскелл Э. Жизнь Шарлотты Бронте / пер. М. О. Рубинс. — М., 2016. — 704 с.

Елистратова А. Предисловие к роману «Мэри Бартон» // Мэри Бартон: Манчестерская повесть / пер. Т. Кудрявцевой; предисл. А. Елистратовой. — М.: Худож. лит., 1963. — С. 5–17.

Елистратова А. Гаскелл // История английской литературы. — М.: АН СССР, 1955. — Т. 2. — Вып. 2. — С. 381–394.

Ивашева В. В. Английский реалистический роман XIX века в его современном звучании. — М.: Худож. лит., 1974. — 464 с.

Рубинс М. Жизнь, культ, миф: Э. Гаскелл — биограф Ш. Бронте // Гаскелл Э. Жизнь Шарлотты Бронте. — М.: Эксмо, 2016. — С. 5–20.

Избранная переписка Ш. Бронте // Сири Дж. Тайные дневники Шарлотты Бронте: роман. Пер. с англ. А. Килановой и др. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2011. — 575 с.

Тугушева М. Шарлотта Бронте. Очерк жизни и творчества. — М.: Худож. лит., 1982. — 191 с.

Gaskell E. The Life of Charlotte Brontë. — Oxford University Press Inc., New York, 2002. — 587 p.

Gérin W. Charlotte Brontë. The Evolution of Genius. — Oxford; New York: Oxford University Press, 1987. — 617 p.

Love Letters 2000 Years of Romance. Ed. by A. Clarke. — The British Library, London, 2011. — 128 p.

Mitchel B. Elizabeth Cleghorn Gaskell // Dictionary of Literary Biography. — Vol. 144. — 1994. — P. 97–107.

Selected Letters of Charlotte Bronte. Ed. by M. Smith. — Oxford University Press Inc., New York, 2007. — 312 p.

The Letters of Charlotte Bronte. With a selection of letters by family and friends. Ed. by M. Smith. V. I: 1829–1847. — Oxford: Clarendon Press, New York, 1995. — 627 p.

The Letters of Charlotte Bronte. With a selection of letters by family and friends. Ed. by M. Smith. V. II: 1848–1851. — Oxford University Press Inc., New York, 2000. — 793 p.

The Letters of Charlotte Bronte. With a selection of letters by family and friends. Ed. by M. Smith. V. III: 1852–1855. — Oxford University Press Inc., New York, 2004. — 396 p.

REFERENCES

Bronte Sh. Gorodok / per. A. Orel, E. Surits. — M.: AST; Astrel'; Poligrafizdat, 2011. — 448 s.

Vasil'eva E. V. K voprosu o realizme Sh. Bronte («Gorodok» i monomif) // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. — 2016. — № 1-33. — S. 93–99.

Gaskell E. Zhizn' Sharlotty Bronte / per. A. Stepanova. — M.: IG Azbuka-Attikus, 2015. — 544 s.

Gaskell E. Zhizn' Sharlotty Bronte / per. M. O. Rubins. — M., 2016. — 704 s.

Elistratova A. Predislovie k romanu «Meri Barton» // Meri Barton: Manchesterskaya povest' / per. T. Kudryavtsevoy; predisl. A. Elistratovoy. — M.: Khudozh. lit., 1963. — S. 5–17.

Elistratova A. Gaskell // Istoriya angliyskoy li-teratury. — M.: AN SSSR, 1955. — T. 2. — Vyp. 2. — S. 381–394.

Ivasheva V. V. Angliyskiy realisticheskiy roman XIX veka v ego sovremennom zvuchanii. — M.: Khudozh. lit., 1974. — 464 s.

Rubins M. Zhizn', kul't, mif: E. Gaskell — biograf Sh. Bronte // Gaskell E. Zhizn' Sharlotty Bronte. — M.: Eksmo, 2016. — S. 5–20.

Izbrannaya perezpiska Sh. Bronte // Siri Dzh. Taynye dnevniki Sharlotty Bronte: roman. Per. s angl. A. Kilanovoy i dr. — M.: Eksmo; SPb.: Domino, 2011. — 575 s.

Tugusheva M. Sharlotta Bronte. Ocherk zhizni i tvorchestva. — M.: Khudozh. lit., 1982. — 191 s.

Gaskell E. The Life of Charlotte Brontë. — Oxford University Press Inc., New York, 2002. — 587 p.

Gérin W. Charlotte Brontë. The Evolution of Genius. — Oxford; New York: Oxford University Press, 1987. — 617 p.

Love Letters 2000 Years of Romance. Ed. by A. Clarke. — The British Library, London, 2011. — 128 p.

Mitchel B. Elizabeth Cleghorn Gaskell // Dictionary of Literary Biography. — Vol. 144. — 1994. — P. 97–107.

Selected Letters of Charlotte Bronte. Ed. by M. Smith. — Oxford University Press Inc., New York, 2007. — 312 p.

The Letters of Charlotte Bronte. With a selection of letters by family and friends. Ed. by M. Smith. V. I: 1829–1847. — Oxford: Clarendon Press, New York, 1995. — 627 p.

The Letters of Charlotte Bronte. With a selection of letters by family and friends. Ed. by M. Smith. V. II: 1848–1851. — Oxford University Press Inc., New York, 2000. — 793 p.

The Letters of Charlotte Bronte. With a selection of letters by family and friends. Ed. by M. Smith. V. III: 1852–1855. — Oxford University Press Inc., New York, 2004. — 396 p.

Данные об авторах

Ольга Наумовна Турышева — доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, к. 302.

E-mail: oltur3@yandex.ru.

Ксения Викторовна Попова — студентка Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, к. 302.

E-mail: amazingthngs@gmail.com.

About the authors

Olga Naumovna Turysheva is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg).

Ksenia Viktorovna Popova is an undergraduate student of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg).